

«СОБИРАНИЕ НАУЧНОЕ...»: ВЫСТАВКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

УДК 069 : 7.074

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-130-140>

И. В. Андреева

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Российская Федерация
e-mail: andreevairina7@gmail.com

Аннотация: В статье сквозь призму концепции авторского кураторства Х. Зеемана осмысливается опыт создания выставки частного собрания челябинского коллекционера В. Я. Рушанина. На протяжении последних 20 лет известным ученым, историком дореволюционного образования в России были собраны коллекционные материалы по истории русской школы с заметным уклоном в проблематику провинциального образования и персонализацию. В статье практика собирательства рассматривается как форма сохранения и трансляции культурной памяти; феномен комплексного частного собрания – как открытый для диалога текст культуры; выставка – как способ включения наследия в современное культурное пространство. Выставка «Русская школа: прошедшее время» (г. Челябинск, 2022 г.) представляет интерес с точки зрения опыта аналитической рефлексии взаимоотношений между наукой и частным коллекционированием, собранием и его автором, выставочными практиками и внемузейной институцией. Обращение к наследию Х. Зеемана продемонстрировало оригинально возрождающиеся в современной культуре идеи о специфике выставочной визуализации уникального жизненного мира человека и кураторстве как стратегии авторского проекта.

Ключевые слова: воображаемый музей, музей, выставка, библиотека, история русской школы, частное коллекционирование, В. Я. Рушанин, Х. Зееман.

Для цитирования: Андреева И. В. «Собирание научное...»: выставка как форма репрезентации частного собрания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 130–140. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-130-140>

«SCIENTIFIC COLLECTING...»:
EXHIBITION AS A FORM OF REPRESENTATION PRIVATE COLLECTION

Irina V. Andreeva

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russian Federation
e-mail: Sergeybutorov@gmail.com

АНДРЕЕВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры

ANDREEVA IRINA VALERIEVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture

© Андреева И. В., 2023

Abstract: The article is devoted to the analysis of the experience of creating an exhibition of the private collection of the Chelyabinsk collector V. Ya. Rushanin through the prism of the concept of H. Zeeman's curatorship. Over the past 20 years, a well-known scientist, a historian of pre-revolutionary education in Russia, has collected collection materials on the history of the Russian school with a noticeable bias in the problems of provincial education and personalization. In the article, the practice of gathering is considered as a form of preservation and transmission of cultural memory; the phenomenon of a complex private collection – as a text of culture open for dialogue; exhibition – as a way to include heritage in a modern cultural space. The exhibition “Russian School: Past Tense” (Chelyabinsk, 2022) is of interest from the point of view of the experience of analytical reflection on the relationship between science and private collecting, collection and its author, exhibition practices and non-museum institutions. Appeal to the legacy of H. Zeeman demonstrated original ideas resurrecting in modern culture about the specifics of the exhibition visualization of the unique human life world and curation as a strategy for the author's project.

Keywords: imaginary museum, museum, exhibition, library, history of the Russian school, private collecting, V. Ya. Rushanin, H. Zeeman.

For citation: Andreeva I. V. «Scientific collecting...»: exhibition as a form of representation private collection. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 130–140. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-130-140>

Точка опоры: «Музей одержимостей» Х. Зеемана

В истории мировой культуры и музееведческой мысли воображаемый музей появился значительно раньше его виртуальных цифровых воплощений. В музеолого-культурологических публикациях данный модус музея, как правило, связывается авторами с отторжением традиционных форм и производством концепций и конструктов сохранения (или со-творения) живой связи с предметом, как альтернатива многочисленным коннотациям превращения собраний в «мавзолеи» или «умирания» и «кладбища» вещей. В большинстве своем гипотетические музеи связаны с актуальными художественными практиками второй половины XX в. и вызовами времени, поставившими под сомнение институциональную оценку классическим музеем как произведения искусства, так и «малой» вещи в уникальности ее существования. Таков концепт «Воображаемого музея» середины XX в. А. Мальро, основанный на императиве личного вкуса в подборе фоторепродукций произведений искусства с целью создания любым человеком своего «музея без стен» [3, с. 87–90].

Таков «Музей одержимостей» Х. Зеемана, создавшего концепт воображаемого музея мифологий, намерений, утопий, одержимостей, и «Сентиментальный музей» швейцарского художника Д. Спёрри [23], открывшего эмоциональную природу вещей и их «новый реализм» в «отражении невероятного количества действий и реакций, которые были преднамеренными, необдуманно или случайными» [22]. Созвучен концепту Спёрри «лирический музей» отечественного филолога М. Эпштейна – взгляд на вещь в более широком историко-культурном контексте как на диалог с индивидуальной памятью, результат ее духовного освоения владельцем [2].

В этом, далеко не полном, перечне воображаемых музеев «Музей одержимостей» швейцарского куратора Х. Зеемана был обращен не к предмету в его самодостаточности и не к произведению искусства, а к силе «одержимости», которая «осуществляет саму себя в исключительности своих знаков, языков и законов» [Цит. по: 19, с. 157]. В аналитике наследия Зеемана подробным образом изучены и представлены его неординарные выставочные опыты, открывшие в мировой художественной практике эру

авторского кураторства – «12 энвайронментов», «Когда отношения становятся формой: живи в своей голове», «Хэппенинг и Fluxus», «Целибатные машины», «Документа 5». В этом ряду долгое время практически не упоминалась выставка «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» (1974 г.), впервые ставшая предметом детального исследования недавно вышедшей монографии М. Р. Тейшейры [19]. «Дедушка ...» в творческой биографии Зеемана представляет интерес и как сублимация размышлений о выставке как средстве самовыражения куратора, и как камерный пилотный проект его будущих масштабных выставок и биеннале, и как опыт обращения не к художественному, а к документальному, фотографическому и историко-бытовому материалу, документирующему историю жизни близкого человека. «Я мог бы создать мемориал Бетховену, а не своему деду, но в истории деда меня прельщало именно это “дополнительное измерение – личная вовлеченность”» [цит. по: 19, с. 120], – писал Зееман, фактически манифестируя принципы своего нового кураторского подхода.

Этот опыт полувековой давности обретает злободневное звучание в контексте современного «антропологического поворота» и сдвига институциональных рамок репрезентаций «частных вселенных». Зеemannовская оптика оказывается перспективной для развития и анализа современных выставочных практик и музейных нарративов в дискурсе антропологизации, в плане перформативного расширения текста личности, биографии, частного собрания.

«Логика каждого знака»

В одной из рецензий на выставку «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» было сказано: «Можно было бы превратить все это в демонстрацию древностей. <...> Однако он (Х. Зееман – И. А.) предпочел визуализировать историю, иллюстрируя мысль о том, что в определенный момент

жизни каждый человек *проступает* и *становится явным каждый знак*» [цит. по: 19, с. 133]. Логике каждого знака может проявиться испытание, значимое событие, оглядка на прошлое с высоты юбилейной даты. В 2022 г. к такому «моменту» приблизился Владимир Яковлевич Рушанин – ученый-историк, профессор, заслуженный работник высшей школы, действительный член (академик) Международной академии наук высшей школы, на протяжении 20 последних лет занимавший пост ректора Челябинского государственного института культуры и встретивший жарким июльским днем свое 70-летие. Выставка «Русская школа: прошедшее время в личной коллекции В. Я. Рушанина», состоявшаяся в Челябинской Центральной библиотеке им. А. С. Пушкина, стала его юбилейным подарком городу¹ [15].

Цель данной статьи – анализ феномена выставки частной коллекции в контексте концепции «музея одержимостей» Х. Зеemannа. Задачи: анализ коллекционерской деятельности ученого-историка В. Я. Рушанина, рефлексия кураторской проекции «одержимости» коллекционированием как концептуальной основы выставочного проектирования в контексте институционального поворота.

Владимир Яковлевич Рушанин: жизнь как искусство одержимостей

1 сентября 1959 года за партой челябинской школы № 43 занял свое место первоклассник, который в дальнейшей своей жизни со школой не расставался никогда. Он не был круглым отличником и спустя 10 лет предъявил приемной комиссии авторитетного уральского вуза аттестат с тремя «тройками». Педагогам челябинских школ он запомнился учеником с первой парты, де-

¹ Выставка проходила с 24 июня по 30 сентября 2022 г. на базе Челябинской Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина. Автор концепции, куратор – И. В. Андреева. Творческая группа студентов-дизайнеров: Е. Мартиросян, В. Хачина, А. Шарафутдинова.

монстративно читавшим на уроках физики и математики вузовские учебники истории Е. В. Тарле, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова и ратовавшим за усиление гуманитарной подготовки. Им, этим учителям, впоследствии будет адресовано благодарное посвящение его книги «Мария Васильевна Каменская. Школьная мама» [17]. Настойчивое желание заниматься наукой уже на школьной скамье не ускользнуло от их внимания. И ученые штудии его, как положено, начинались в тиши библиотек и архивов, которые вопреки правилам выдали читательские билеты старшекласснику, не достигшему совершеннолетия. Первая же работа, представленная научному обществу учащихся, заслужила одобрение и похвалу декана истфака Челябинского педагогического института Б. В. Григорьева, увидевшего в ней абрис дальнейшего научного поиска. Со временем сформировалась и окрепла уверенность в том, что не бывает науки школьной или студенческой. Есть романтика научного поиска, честолюбие, в равной степени присущие и академику, и активисту НОУ.

Уверенности в свершение возможностей добавляли герои-интеллектуалы романов Д. Лондона, С. Льюиса, Ю. Германа, Д. Гранина. Прочитанные в юности «Мартин Иден», «Дело, которому ты служишь», «Иду на грозу», «Искатели», «Эта странная жизнь» вдохновляли намерением «сделать что-то из себя», воодушевляли романтикой научного поиска, прокладывали траекторию будущего – напряженного и насыщенного трудом, ответственностью, интересом. Но... наука боролась с футболом. И только стремительно растущая близорукость «поставила крест» на спортивной карьере 15-летнего перворазрядника, энергию и одержимость свою перенаправившего на любимую историю.

Судьба послала мальчишке из рабочего района технократического Челябинска читающую семью; дедушку и бабушку из рода Бершей в недалеком купеческом городе Троицке, слывшем со времен великого шел-

кового пути своеобразными «воротами в Азию». Здесь, в этом городе, пришла в руки старинная коробочка – упаковка от мыла «Экономъ», может быть, исток рождавшейся одержимости знаками прошлого и начало будущей коллекции. В ранних детских опытах филумении сложились истоки коммуникативных коллекционерских практик. Источником пополнения собрания спичечных этикеток В. Рушанина в 1960-е гг. стала переписка на уровне школьника и директора Пензенской спичечной фабрики, правда, переадресованная им сыну-сверстнику адресанта с Урала.

Пройдет совсем немного лет и к картонке «Экономъ» присоединится трехгранная «букетница» из алюминиевого сплава с искусно гравированным орнаментом – памятный подарок лаосской делегации на международной артековской смене 1973 года, ставшей «трудовым семестром» для тогда уже студента Рушанина, а также «круглого» отличника и Ленинского стипендиата Челябинского государственного педагогического института. Сохранилась на «букетнице» англоязычная маркировка: лаосский кустарь «перековал мечи на орала», пустив в дело фрагменты обшивки самолета США, сбитого во время ковровых бомбардировок лаосских городов. Множество контекстов культурной биографии этой, по сути декоративной, безделушки многократно усилили ее знаковое звучание, стали опытом духовного освоения вещи, помогли сформироваться широкому взгляду на исторический источник.

Факты биографии ученого-историка В. Я. Рушанина не могут не впечатлять. В 26 лет он стал самым молодым кандидатом исторических наук на Урале и в СССР. В 1994-м, пройдя почти все ступени вузовской административной работы, защитил докторскую диссертацию. Сохраняя все эти годы верность магистральному исследовательскому направлению – истории становления и развития образования на Урале, – опубликовал свыше 780 работ, из которых 251 – персональные статьи, 15 книг и монографий,

подготовил к защите 19 диссертантов [8; 14]. Надо полагать, пришлось пройти и через искушения: в советское время – лестными предложениями комсомольско-партийной работы и привлекательностью карьеры служащего госдепа со всеми вытекающими привилегиями, начиная с «квартирного вопроса», в годы перестройки – многообещающими, но сомнительными бизнес-проектами.

Были в этой биографии успеха свои знаки и предназначения. Их можно усмотреть даже в, казалось бы, таком малозначительном эпизоде: в 1974 г. студент-практикант Рушанин получил из рук будущего губернатора Челябинской области В. П. Соловьева книгу академика М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский», признанную образцом научной биографии ученого. А спустя годы уже сам В. Я. Рушанин станет исследователем биографий троицких педагогов, директоров гимназий и автором книг о возвращенных именах И. А. Тихомирова и М. В. Каменской [16; 17].

Еще в детстве – отрочестве – юности В. Я. Рушанин сформировался как человек книги. Будучи старшеклассником, сделал свои первые приобретения, начал формировать библиотеку. Став ректором Челябинского государственного института культуры, инициировал создание Музея книги, комплекса личных библиотек видных ученых, педагогов, творцов, Музейного комплекса ЧГИК [13], регулярно обновляемых выставок челябинских художников [7], поддержал деятельность Челябинского клуба коллекционеров и библиофилов «Жемчужина». Результатом творческого сотрудничества ЧГИК с московским коллекционером В. Д. Новичковым стала Арт-лестница «Искусство Челябинска XX в.». Сегодня за именем В. Я. Рушанина прочно закрепился статус библиофила широкого тематического диапазона. Его книжное собрание насчитывает более 10 тыс. томов, а коллекция книжных памятников включает издания XVII–XIX вв. [12]. В 2020 г. тщательно обработан-

ное и каталогизированное коллекционером собрание книг с автографами пополнило фонды Научной библиотеки ЧГИК [9].

Конечно, нашла свое отражение в библиофильском собрании и главная тема жизни – история образования, дореволюционной школы, учебная и педагогическая литература, молодежные движения, учительские биографии. Эта одержимость питается не только кабинетной работой, но и маршрутами путешествий. Она же не позволяет пройти мимо документов, фотографий, альбомов, открыток конца XIX – начала XX в. За столетие, прошедшее со времени их владельцев, трижды сменились поколения потомков. Иные из них, не помня родства, несут обременительные архивы в лавки антикваров и букинистов. Здесь-то и находит их ученый-историк, не только приобретая, но и превращая в предметы коллекции, символическую ценность, визуальный исторический источник. Так за последнюю четверть века сложилось личное комплексное собрание, тематически объединенное историей русской школы, с заметным уклоном в регионалистику и локальную историю. Собрание, не имеющее аналогов в государственных музеях Уральского региона и дающее пищу для размышлений и о коллекционерском, и об учительском деле.

Значение коллекционирования в интеллектуальной биографии В. Я. Рушанина много шире рамок источниковой базы его научной и образовательной деятельности. Несколько книг коллекции с экслибрисами Э. Ф. Голлербаха стали толчком к началу исследования судьбы ученого и его собрания в историко-культурной ретроспективе, осмысления частных коллекций как феномена культуры [18]. В культурологическом аспекте практики собирательства являются формой сохранения и трансляции культурной памяти [10], а выставки частных коллекций – способом реализации этой формы в пространстве современной культуры. Неоднократно предметы личной коллекции В. Я. Рушанина экспонирова-

лись на тематических музейных выставках («Старый альбом: история в сафьяновом переплете», 2010 г.; «Просто жизнь на фоне войны», 2014; «Русская школа: прошедшее время», 2022). Неслучайно и сам ректор стал «объектом музеефикации», положив начало виртуальным персональным выставкам на сайте ЧГИК [4; 5].

Для понимания феномена коллекции важен и другой – биографический – контекст. Человек разносторонних интересов и увлечений, ученый, мыслитель, педагог, раздвигая рамки доступной реальности, создает свою субъективную вселенную, насыщенную знаками личной индивидуальности и самовыражения. В процессе поиска или случайной встречи, обретения вещи, рассматривания, изучения ее официального статуса и культурного контекста, каждый предмет собрания обретает особую ауру отношений с коллекционером, становится своеобразным эго-документом. «Коллекционеры – счастливые люди, – любит повторять Владимир Яковлевич. – В самые трудные минуты можно включить настольную лампу и уйти в свой внутренний мир. Коллекции лечат».

В статье об Э. Ф. Голлербахе Рушанин цитирует его новеллу 1938 г. о «настоящем» собирательстве «во имя преклонения перед творческим гением человечества. Это – одержимость» [Цит. по: 18, с. 38], – заключает коллекционер и мыслитель, прибегая к той же метафоре творческой энергии, которую, спустя несколько десятилетий, употребит для определения своего воображаемого музея Х. Зееман.

Выставка как репрезентация частной сферы

«Музей одержимостей» Х. Зеемана мог существовать только в воображении, как продолжающийся во времени и пространстве проект автономных выставок, в фокусе которых была не информация, а визуализация разных типов одержимостей и процесс творчества. Ради этого проекта им было

задумано «Агентство духовного гастарбайтерства» – единственно возможная форма преодоления институционального контекста, в которой куратор выступал независимым автором и художником, реализующим свой замысел «от концепции до гвоздя». Идея альтернативного музея снимала отрицательные коннотации «одержимости» и транслировалась Зееманом как «положительный род энергии» созидательного творчества [Цит. по: 19, с. 68]. «Музей одержимостей» был вызовом традиционалистской модели экспозиции, начиная с отказа от объективизма и историографической концепции, а следовательно, от беспристрастного анализа исторической фигуры и метода реконструкции, продолжаясь «чрезвычайно субъективной выборкой предметов» [19, с. 75] и воплощением «духовного пространства» пережитого опыта, в котором задача зрителя не наблюдать, а переживать собственные трансформации.

В «истории интенсивных намерений» (а именно так Х. Зееман воспринимал историю искусств и творческой мысли человечества) коллекционирование, идентичность коллекционера заняли одну из первых позиций [19, с. 76–77]. Этот тип одержимости был глубоко исследован им в работе над выставкой «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы», где были представлены вещи, которые дед куратора собирал на протяжении своей жизни. Организующим принципом выставки было намерение, по словам Х. Зеемана, «найти такую форму, которая позволила бы моей интерпретации одной отдельно взятой человеческой жизни стать выставкой» [Цит. по: 19, с. 154]. Не только документировать жизнь отдельного человека, «но прежде всего сохранить живую память о нем», «воспроизвести в этом пространстве жизнь, пережитый опыт» [19, с. 175]. На пути к «живому портрету» и, шире – «живому музею» – Зееман положился на субъективизм личной вовлеченности и пристрастность в познании даровитости дедушки-парикмахера. Этот новый подход

к выставочной биографике сформировал представление о выставке как медиуме. Творческий метод швейцарского куратора проявил себя не столько в субъективном отборе вещей (большинство из которых были мемориальными), сколько в переводе фокуса внимания с предмета на процесс, отношение, усиливающее аурагические характеристики экспонатов, показывающие, что за видимым есть что-то еще – «другие измерения, способные помочь нам понять, что мы делаем на этой планете» [Цит. по: 19, с. 65]. Концептуально он был близок музейной интуиции отечественного философа Н. Ф. Федорова, который воспринимал «процессуальную» природу вещей как воплощение «некоторого действия, некоего изменения в жизни», «проекта новой жизни» [21, с. 87]. Опыт создания «Дедушки ...» вел Х. Зеемана к пониманию новых выставочных возможностей и миссии музея, «где сохраняется нечто хрупкое, где можно протестировать новые виды отношений» и «разгласить импульсы и движущие силы творчества» [Цит. по: 19, с. 74].

«Найти такую форму...»

«Частная вселенная» В. Я. Рушанина на выставке «Русская школа: прошедшее время» была представлена только одним аспектом коллекционирования, связанным с историей образования. Этот выбор неожиданно «вписался» в злободневную социокультурную повестку: открытие выставки состоялось за три дня до подписания указа Президента России об объявлении 2023 года Годом педагога и наставника, а на период ее действия припала знаменательная дата 220-летия создания в Российской империи Министерства народного просвещения, к сожалению, календарем культурных событий почти не замеченная. Тема русской школы могла быть решена посредством источниковедческой систематики письменных и визуальных материалов, ибо личное собрание щедро представлено дореволюционными

изданиями учебной и педагогической литературы, литографиями похвальных листов, документацией свидетельств, аттестатов и школьного делопроизводства, «наградными» книгами с вклейками поощрительных инскриптов в адрес успешных учеников, открытками с изображениями учебных заведений и типажей учащейся молодежи, фотопортретами гимназистов и групповыми снимками, девичьими и фотографическими альбомами конца XIX – начала XX в. Однако, формализация такого рода вряд ли была бы способна сказать что-то существенное об одержимости автора собрания наукой, коллекционированием, эстетикой века классического образования.

Мощная энергия научного творчества и собирательства ярко проявила себя в книгах В. Я. Рушанина о троицком учительстве – в уже упомянутых биографиях педагогов И. А. Тихомирова и М. В. Каменской [16; 17]. Повествование, охватывающее почти вековую историю русской провинциальной школы, поражает не только незаурядностью личностей и неординарностью реконструированных судеб ее ярких представителей, не только широтой контекстов, но и автобиографичностью исследовательского, академически взвешенного текста. Эти книги заражают романтикой поиска, радостью находок и открытий, исследовательским азартом, о которых школьником мечтал автор этих книг, впечатляют прикосновением к драме забвения и энтузиазмом восстановления исторической памяти. Личность автора-ученого, собирателя не просто разрозненных материалов о школе, а создателя коллекции, выступает синтезирующим и смыслообразующим началом целостного культурного текста о становлении классического образования в России. Предстояло увидеть эту коллекцию как систему кодов культуры определенного периода, вписать критическое мышление в сам процесс отбора и проектирования, а затем – в экспонирование и интерпретацию предметов коллекции. При этом удивительным

образом совпали установки классика авторского кураторства относительно деструкции классической модели музея и пожелания коллекционера: излишне пафосным для презентации частного мира представилось классическое музейное пространство. Еще не рожденная выставка искала гостеприимные стены там, где нет привычного музейного ограничения созерцанием, где «бумажные» материалы органичны среде, где находит поддержку идея книжности и пытливого или созерцательного погружения в текст. Выставочный зал Центральной библиотеки оказался наиболее приемлемым вариантом. И этот выбор естественным образом, с одной стороны, отразил новую институциональную перспективу музейных практик [6; 20], с другой – в очередной раз проявил «логику каждого знака», выступив напоминанием о первом трудовом опыте В. Рушанина в должности лаборанта-библиотекаря кабинета общественных наук, о первой публикации студента-историка далеких 1970-х гг., библиотеке посвященной, о глубинной сути самой научной работы.

Создание выставки в библиотеке стало опытом рефлексии взаимоотношений между наукой, коллекционированием и библиотекой, между собранием и его автором. Выставочный зал библиотеки в данном опыте не нейтральное пространство, а элемент экспозиции: для ее организации сознательно было использовано библиотечное оборудование – низкий напольный стеллаж и журнальные столики с незастекленными ячейками, где разместились книги библиотечного фонда для свободного выбора по теме выставки. Как форма аналитической рефлексии в пространство выставки был интегрирован библиотечный инвентарь – каталожный блок. Внутри его ящичков были помещены вкладыши с копиями задач, упражнений из дореволюционных учебных пособий, в том числе, например, многочленная дробь для устного счета педагога А. С. Рачинского, увековеченная сюжетом известной картины Н. П. Богданова-Бельского. В «Кабинете на-

чальницы гимназии» – небольшой средовой инсталляции (по терминологии Х. Зеемана – «энвайронменте») – проходили мастер-классы по каллиграфии на основе «Русского правописания» Н. А. Острогорского 1912 года.

Идею персональной выставки коллекционера можно было бы определить словами Н. Ф. Федорова: «Собирание научное, при коем наука не отделяет себя от нравственности» [21, с. 66], свидетельство чему – альтруистические социально-значимые проекты В. Я. Рушанина: им было инициировано открытие мемориальной доски в память об И. А. Тихомирове на здании бывшей Троицкой мужской гимназии, а также – проведение Тихомировских педагогических чтений (2012, 2022) в г. Троицке. Выставка была построена как система относительно самостоятельных кейсов, включающих предметы в проблемно-тематические контексты. Личность коллекционера на смысловом уровне объединяла экспозицию в единое целое. Образ ученого-историка раскрывался через постановку исследовательских задач и их решение с привлечением источников личной коллекции. Кейсы формулировались в форме заголовков-цитат, заимствованных из дореволюционных источников, на них опиралась и выставочная навигация: «Действительная польза выставок» или «Довольно полная картина современного состояния» – о Нижегородской Всероссийской промышленной и художественной выставке 1898 г., XIX раздел которой получил название «научно-учебного» и подвел итоги реформациям народного образования второй половины XIX в. (в фокусе раздела – издание аналитического отчета выставки [11]); «“Архивы роя...”»: о чем рассказал аттестат?»; «Как сделаться учителем?»; «“Любезное дело” или “Учителя Божьей милостью”»; «От дворянской элиты до сынов крестьянских»; «Когда стихи в альбом писали...»; «Хорошая библиотека едва ли не так же важна». Означенные в них коды культуры касались статуса и достаточно привилегированного положения учителя

дореволюционной школы; системы социальных лифтов, которую формировали разные уровни образования; эстетики модерна и значения патриотической иконографии похвальных листов; воспитательного тренда на формирование лояльного к власти и законопослушного гражданина.

Выставка имела обширное пространство документации – начиная от переписки В. Я. Рушанина с архивными центрами и официальными институциями по поводу фактографии биографий педагогов, заканчивая многочисленной документикой дореволюционного школьного образования. Их композиционные раскладки и развески должны были проявить отношения между объектами, а сами они – выступить не только в роли свидетельств прошлого, но и стать отсылками к конкретным личностям. Так, несколько открыток из переписки с матерью троицкой гимназистки Анны Чулкиной вскрывали бытовые аспекты жизни девочки, вынужденной ради учебы в гимназии покинуть родной дом, позволяли прокомментировать систему помощи нуждающимся учащимся (Анна получала стипендию из общего войскового капитала оренбургского казачества), подтверждали факт познавательных прогулок и выездных «гуляний», инициированных начальницей М. В. Каменской. Коллекционеру удалось проследить дальнейшую судьбу А. Чулкиной, закончившей впоследствии медицинский факультет Пермского университета и ставшей известным врачом. Это ли не подтверждение уровня и качества образования, которое давала провинциальная гимназия?!

Многочисленные аттестаты и свидетельства демонстрировали возможности получения образования «детьми всех сословий», позволяли увидеть, что концепция всеобщего среднего образования как аспект государственной политики зародилась в пореформенной России и была отчасти реализована путем создания многоступенчатой, всесословной системы учебных заведений разных ведомств. Школьный аттестат – это и

ответ на вопрос об изучаемых дисциплинах и оценках, который резонирует с репертуаром школьных учебников и системой подготовки педагогических кадров – от восьмых педагогических классов гимназий до университетов и Высших Бестужевских курсов, а также с личным восприятием учеником процесса обучения, запечатленным в немногим числом сохранившихся личных дневниках.

Зеемановская идея «живого музея» – «не столько сохранять, ... сколько открывать новое» [19, с. 33], и подход к выставке как медиуму реализовался не только через знаковые и символические измерения предметов, но и через их отношения с коллекционером. Все комментарии на выставке (за исключением этикетажа) были цитатами его книг и интервью, их синергия с экспонатами переносила в музейный контекст интенсивность переживания научного поиска, придавала вещам индивидуальность, выводила их значение за рамки исторической значимости. Даже разметка пространства зала живыми комнатными растениями подчеркивала приватный, «домашний» характер представленных документов личного происхождения: более столетия многие из них трепетно хранились в семьях, а затем оказались в *домашнем* собрании коллекционера.

Возвращаясь к приведенной ранее цитате, можно заметить, что не только определенный момент жизни, но и определенный способ визуализации способен сделать «явным каждый знак». Выставка «Русская школа: прошедшее время» была выполнена в классическом дизайне планшетных решений и витринных раскладок, без световых эффектов и дорогостоящих материалов, в условиях бюджетных ограничений. Образ «частной вселенной» опирался на эстетический потенциал самих экспонатов – документов, открыток, альбомов, каллиграфию рукописных текстов. Их важность и значимость, тематическая группировка, ассоциативные связи и интерпретации определялись куратором в значительной степени интуитивно и субъективно. Сама же кураторская позиция

наряду с исследованием искусства одержимости главного героя – Владимира Яковлевича Рушанина – вдохновлялась его образцовым опытом равновесной самореализации в социальном активизме, научно-образовательной и научно-творческой деятельности, в частном коллекционировании.

Представленный в статье опыт музейной презентации частной коллекции сквозь призму концепции авторского кураторства продемонстрировал оригинально возрождающиеся в современной культуре идеи Х. Зеемана о специфике выставочной визуализации уникального жизненного мира человека. Пространство коллекционирования и частного собрания в жизни В. Я. Рушанина измеряется координатами Дома и

Кабинета, географией путешествий к тем уголкам земли, чьим воздухом когда-то дышали его герои; местами магнитного притяжения старых книг, вещей и документов. Это пространство, как осмысленное *место* личности, смыкается с миром «большой» и локальной истории, биографией уральского учительства, микроисторией предмета. Ему свойственны качества неклассической модели экспериментального исследования – перформативный характер, событийность, тактильность, принципиальная фрагментарность и незавершенность, которые являются принципами постоянного развития этого пространства [1], делая его открытым диалогу с традицией и современной культурой.

Список литературы

1. Балаш А. Н. Вальтер Бенъямин о коллекционировании // Вестник СПбГИК. 2020. № 2 (43). С. 6–11.
2. Балаш А. Н. Концепция «лирического музея» М. Н. Эпштейна в контексте отечественной гуманитарной традиции и художественной практики последней четверти XX в. // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 3 (28). С. 107–111.
3. Бирюкова М. В. Музей воображаемый vs музей реальный: концепции гипотетических музеев второй половины XX века // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3 (24). С. 87–95.
4. Выставка «Владимир Рушанин. Грани одной личности» [Электронный ресурс]. URL: <https://chgik.ru/rector/>
5. Выставка «Человек культуры: биография представителя династии» [Электронный ресурс]. URL: <https://chgik.ru/exhibition/sinetsky/>
6. Воронцова Е. А. Музеи – библиотеки – архивы в эпоху противоборства глобализации, глокализации, антиглобализма // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2017. С. 44–49.
7. Галерея «Академия». 2004–2008: кат. худож. коллекции ЧГАКИ / сост. И. В. Андреева. Челябинск, 2009. 79 с.
8. Историческая научная школа В. Я. Рушанина в лицах: каталог / сост. Ю. В. Гушул. Челябинск : ЧГИК, 2022. 103 с.
9. Книги с автографами и дарственными надписями в библиотеке В. Я. Рушанина / сост. В. Я. Рушанин, авт. вступ. ст. А. В. Штолер. Челябинск : ЧГИК, 2020. 239 с.
10. Ключанова Л. Г. Частное коллекционирование как предмет культурологических исследований // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 246–354.
11. Ковалевский Е. П. Народное образование на Всероссийской выставке в Н. Новгороде в 1896 г. Санкт-Петербург, 1897. 463 с.
12. Коллекция книжных памятников в библиотеке В. Я. Рушанина : комплект открыток (10 шт.) / сост., авт. вступ. ст. В. Я. Рушанин. Челябинск : ЧГИК, 2020.

13. Музейный комплекс: путеводитель / сост. В. Я. Рушанин, А. В. Лушникова, Н. В. Овчинникова. Челябинск, 2013. 104 с.
14. Научная школа Владимира Рушанина: диалоги об истории / сост.: Штолер А. В., Терехов А. Н., Тузовский И. Д. Челябинск : Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2012. 270 с. : ил., портр.
15. Русская школа: прошедшее время // МКУК «Централизованная библиотечная система» г. Челябинска: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://chelib.ru/posters/russkaja-shkola-proshedshee-vremja-iz-kollekcii-v-ja-rushanina/>
16. Рушанин В. Я. Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени. Челябинск : Изд-во Игоря Розина, 2016. 431 с.
17. Рушанин В. Я. Мария Васильевна Каменская. Школьная мама. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры. 2019. 283 с.: фото.
18. Рушанин В. Я. Судьба коллекции Эриха Голлербаха: историко-культурная ретроспектива / В. Я. Рушанин, Л. Б. Зубанова // Вестник культуры и искусств. 2022. № 1 (69). С. 37–47.
19. Тейшейра М. Р. Выставка как средство самовыражения: Харальд Зеeman. «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» (1974). Москва : V–A–S Press, 2022. 208 с., ил.
20. Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля 2017 г. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; ИНИОН РАН. Москва : ИНИОН РАН, 2017. 320 с.
21. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Авангардная музеология / под ред. А. Жилиева. Москва : V-A-S press, 2015. С. 45–102.
22. Daniel Spoerri [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moreeuw.com/histoire-art/daniel-spoerri.htm#daniel-spoerri>
23. Cempellin L. Daniel Spoerri's localisms: the Musée Sentimental Chapter // Cempellin L. The Ideas, Identity and Art of Daniel Spoerri. Wilmington : Vernon Press, 2017. 229 p.

*

Поступила в редакцию 14.12.2022